

когда пришла — 1992. — 80 лет

ОКНО В ПРИРОДУ

23

Пришвин — фотограф

Среди знаменитых людей было немало страстных фотографов — Золя, Тимирязев, Пришвин. Золя устраивал выставки своих фотографий, Тимирязев писал, что со временем в природу человек будет ходить не с ружьем — с фотокамерой, а Пришвин был тем человеком, которому фотокамера постепенно стала важнее ружья. Со слов Валерии Дмитриевны Пришвиной в свое время я записал: «В 20-х и начале 30-х годов он был запойным фотографом. Вот запись в его дневнике: «До того я увлекся охотой с камерой, что сплю и все жду, поскорее бы светозарное утро». («Светозарное», «свет» — были слова, любимые Пришвиным. Фотографию он называл «светопись», а себя «художником светописа»). Любовь к фотографии была у него ярко выраженной. Однажды осенью, наблюдая восходы озимой ржи, он пришел в такой восторг, что забыл обо всем — лег на живот прямо в грязь, чтобы сделать снимок. Это была страсть юноши. Между тем, Михаилу Михайловичу было в то время шестьдесят лет. И фотография занимала его до последних дней жизни».

А началось увлечение неожиданно, во время первого странствия на Север, откуда Пришвин привез книгу «В краю непуганых птиц», определившую его судьбу. В путешествии по Карелии встретился он с учителем Петром Ползуновым, мучительно размышлявшим: «Купить корову или фотоаппарат?». Куплен был фотоаппарат, и два очарованных странника пустились в леса, на ходу осваивая «машинку».

Чудо рождения снимка не переставало волновать писателя и в зрелые годы. В Дунино под Москвой он зазывал знакомых в темную комнату, где вершил свое колдовство. «Показывал Ксюше процесс проявления, и она видела и повторяла:

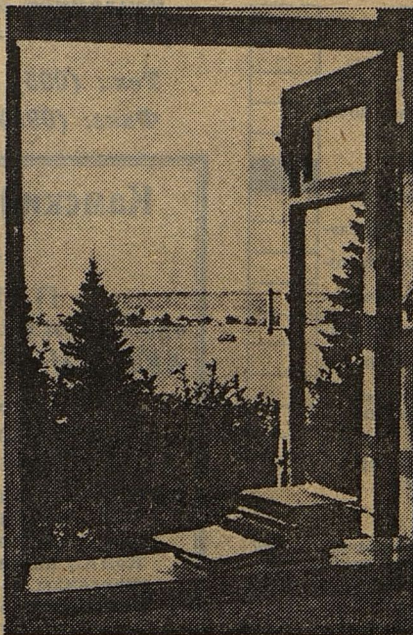
— Это чудо!

И правда, это было действительно чудо, закрытое для большинства людей... объяснением воздействия света на бромистое серебро».

Сегодня чудо фотографии для многих вовсе отсутствует. Фирмы рекламируют камеры так: «Ваше дело — нажать, остальное сделаем мы». Пришвин жил в другое время и, главное, умел удивляться, глядеть на мир глазами ребенка.

Технику, между тем, он осваивал основательно. Купив в 1928 году дорогую и редкую по тем временам «Лейку», две недели он только ею и занимался — пробовал снимать, заглядывал в справочники, запирался для «колдовства» у красного фонаря. А когда позже купил «Роллейфлекс», то, судя по дневнику, первую ночь от волнения не мог заснуть.

Что снимал? Поначалу, увлеченный возможностями фотографии, он мыслил себя летописцем событий — фотографировал съемку колоколов с колоколен в Загорске, отмечая противоречивые чувства в душе: «вверху снимали колокола, а внизу цыган «давали представление с ручной медведицей, а люди бесхитростно веселились». С

«Окно в Подмоскowie» и «Тетерка на гнезде». Снимки М. М. Пришвина.

фотокамерой Пришвин поехал на большое строительство на Урале. Однако снимки его получились слабее тех, какие делали репортеры, да и литературные записи были в этот раз скудными. Писатель понял, что «повел не свою борозду, что фотография, как и перо, может служить ему лишь там, где он видел острее других, где чувства душа легко отдавала бумаге. Пришвин понял: глазок фотокамеры — его союзник в постижении природы. Фотограф в себе он ставил не ниже писателя. Все вместе — ум, сердце и стеклышко фотокамеры служили у него одной цели. Чтобы сделать хороший снимок,

фотограф должен стать иногда на колени, забраться на дерево, на копну, не испугаться осенней грязи. Пришвин это все понимал и с волнением запирался в темном чулане — спешил увидеть трофеи, добытые им без выстрела. Он вполне сознавал новаторство в своем увлечении: «В... деле... изучения природы с литературными целями я считаю себя пионером».

Бывали разочарования. Иногда, покоренный чем-то увиденным в лесных дебрях, он тратил много усилий — запечатлеть волновавшую его красоту. Но потом обнаруживалось: на снимке нет того, что видел и чувствовал. С энергией пытливого человека Пришвин стал изучать возможности камеры и пришел к выводу: души у нее нет, от камеры надо требовать лишь то, что может дать инструмент. Однако, если умело его использовать, волнение снимавшего все-таки может передаваться тому, кто будет разглядывать снимок. Сегодня это хрестоматийная истина, но художник-натуралист Пришвин должен был все это сам открывать. Он так оценивал опыт и свой подход к фотосъемке: «Конечно, настоящий фотограф снял бы лучше меня, но настоящему специалисту в голову никогда не придет смотреть на то, что я снимаю: он этого не увидит». С фотокамерой Пришвин не расставался в многочисленных путешествиях по стране. Разложенные на столе снимки позволяли заново пережить увиденное, облегчали работу пера.

Фотографии Пришвин не изменял, ни разу не отозвался о ней небрежно. Первое собрание его сочинений сопровождается снимками. И много их хранится в архиве как следы странствий и творческих поисков.

А были годы, когда фотография помогала писателю зарабатывать кусок хлеба. «Я, когда делается плохо, начинаю заниматься фотографией». (1938 г.) А в 1942 году («Душа сорвана с места», — помечено в дневнике) Пришвин «за хлеб и картошку» снимал детей и женщин в селе Усолжье. Глядя на себя-фотографа со стороны, он записывает: «Мне нравится этот простой старый человек, к которому все приходят запросто... говорят... «ты». С явной улыбкой Пришвин описывает, как снимал «за картошку» парня-фронтовика. Изба тесная, отступить с камерой некуда. Либо ордена не выйдут, либо голову по самый лоб придется срезать. «Режь голову!» — сказал парень».

Валерия Дмитриевна рассказала, как и ее «бородастый фотограф» приобщил к тайнам «светописа». И она снимала вполне успешно, многие пришвинские портреты — ее работа...

...Недавно побывав в Дунино, я держал в руках фотографический арсенал Пришвина. Все цело — штативы, юветы и бачки, насадки, лампы, увеличитель, весы. Исправны две камеры — «Лейка» и «Роллейфлекс». Я взял у «Лейки» затвор, плавно нажал на спуск, раздался щелчок, такой знакомый и дорогой для сердца фотографа. Сколько раз Пришвин слышал эти щелчки! Волнение и радость при фотосъемке ценил он не ниже конечного результата. Каждый снимающий это хорошо понимает.

В. ПЕСКОВ.